

Руслан Имранович Хасбулатов. Фото с сайта chechnyafree.ru

РУСЛАН ХАСБУЛАТОВ: ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛИ, ЧТО ПЕРЕИЗБРАЛИ!

Уважаемые товарищи народные депутаты!

Я вас уверяю, что я получил очень глубокое удовлетворение по поводу того, что наконец, палата сумела преодолеть кризис. Здесь ведь могла быть и другая ситуация, могло быть простое объяснение, что лидер палаты просто не нравится депутатам, следовательно его надо сменить. Это тоже достаточная причина. Дело в том, что мы, может быть иногда сами не догадываемся, сами не учитываем то огромное влияние, которое мы оказываем на общественное мнение, на государство, на политических деятелей и нашей страны, и не только нашей страны, и излишне упрощенно подходим к своей собственной роли. Подходя излишне упрощенно к самим себе, к своим возможностям, к своей власти, мы очень снисходительно относимся в одном случае к представителям вышестоящих структур власти, а в другом случае, может быть, недостаточно корректно относимся к представителям иных структур.

Что касается Владимира Борисовича, то вы помните, вы и свидетели, я никогда открыто не высказывал необходимость того, что надо сменить. Хотя на Президиуме как-то говорил, что попытка обосновать, как однажды Владимир Борисович в своем интервью свердловской газете сказал так, что его оппозиционная деятельность способствует тому, что Президент принимает правильные решения. У меня это, конечно, вызвало иронический смех, зная уровень влияния Исакова на Президента.

А потом нам надо разобраться с понятием "оппозиция", что такое "оппозиция"? Председатель палаты, руководитель, половину парламента возглавляющий, может ли он быть оппозицией? Конечно, нет. Если он желает быть оппозицией, он должен сложить эти полномочия, перейти в состав заднескамеечников, как это принято называть, и, пожалуйста, примыкай к любой форме оппозиции. У нас оппозиций хватает. Чего-чего, а оппозиций у нас хватает. Поэтому сама парадигма выбора такой вот борьбы со стороны Исакова мне представлялась иррациональной.

Но я вам должен сказать, как это все началось. Я, как вы знаете, не был среди приближенных Президента, не агитировал за него. И в печати я неоднократно говорил, что относился достаточно настороженно. Когда приехал Борис Николаевич в Москву и шестичасовую речь произнес как раз в этом Доме политического просвещения, который нам ныне принадлежит, у меня тоже реакция была настороженная. Но так уж судьба распорядилась, что мы оказались вместе и, естественно, много говорили о концепциях. Я привык как-то достаточно ясно излагать свои мысли и то

направление, которое я представляю, к чему мы идем, не лукавя. Потому что от лукавства мы страдали многие годы. И, кажется, удалось и убедить, и переубедить во многих вещах. Скажем, концепция, которая была внушена ближайшими помощниками Бориса Николаевича и нынешними помощниками, в отношении национального вопроса: берите столько суверенитета, сколько проглотите. Вы знаете, она же имеет в общем-то внутренний взрывной заряд, реакционный заряд. И в этом вопросе, вы помните, когда на третьем Съезде Борис Николаевич самокритично сказал, что недоучел многие моменты, это ведь тоже результат нашей работы. Так же, как по многим другим вопросам.

Умеем мы ладить с Президентом, умеем мы ладить, отстаивая свои и взгляды, и со многими другими людьми: и с Президентом СССР, и с Правительством СССР.

Но, вы знаете, Исаков, оказывается, был достаточно приближенным, чуть ли не доверенным лицом. Я этого не знал. Я только обратил внимание на первом Съезде, что какой-то все бегают: "Борис Николаевич, Борис Николаевич". Я даже был вынужден сделать замечание: "Ну, послушайте, если вас какой-то пустяк интересует, ну не лезьте к Председателю. Я рядом с вами, скажите, мы с вами решим этот вопрос". Даже такой был эпизод уже на первом Съезде, через день после моего избрания.

В общем какая-то поддержка была со стороны Исакова членов Президиума. А резкую перемену (я просто хочу вам свои впечатления рассказать, может быть, будет интересно) я почувствовал после автомобильной катастрофы, когда Борис Николаевич слег, и довольно-таки тяжело был болен. Буквально на второй день... это хорошо ощущаешь, когда сидишь в президиуме... человек абсолютно изменился и взял очень четко... Я это как раз почувствовал раньше всех, потому, сами знаете, я перед вами ответственен, ответственен перед Съездом, перед народом и за решения, которые провожу... но никак не удастся быть в роли спикера, сидящего на мешке с шерстью...

Исаков встал на путь на этом этапе, до второго Съезда, на путь блокирования всех законодательных актов, Я вам могу это совершенно откровенно сказать. На любой законодательный акт, любой закон, любой проект, который обсуждался на Президиуме для того, чтобы вынести сюда на Верховный Совет, у Исакова находилось: вот, надо отложить, надо отложить, то есть торможение, то, от чего мы страдаем, то, от чего мы все оказались в плену, несмотря на то, что мы очень хотели как-то идти вперед. Вот был избран вот такой стиль. И мне приходилось, я вам честно скажу и откровенно скажу, мне приходилось тяжело. Я ведь не Ельцин, авторитет у меня, разумеется не такой и преодолевать сопротивление, доказывать Верховному Совету, доказывать Президиуму, что это надо, в общем-то, честно говоря, было и физически и морально очень трудно, когда председатель палаты и достаточно влиятельный человек оказывает такое прямое сопротивление.

Вы, наверное, и не заметили все мои трудности, зато слабости всегда замечаете. В общем, этот период два месяца было очень мучительным, когда буквально вот, помните, я один раз не выдержал и сказал: "Если Вы будете мне мешать, я вас пересажу в зал!" Наверно, некоторые расценили это как вспыльчивость, а это было накопление известного, очевидно, только мне, вот таких фактических данных, каких-то частиц того, что человек избрал курс разрушительный. Вот так обстояли дела.

Но на втором Съезде он уже открыто выступил и с тех пор стал действительно оппозицией. Но порядочность, человеческая порядочность требует как оппозиции уйти от власти. Ведь что такое председатель палаты, это законная власть. Председатель палаты не может быть в оппозиции к парламенту. Я могу быть в оппозиции, мы можем быть в оппозиции, мы на то и есть парламент, мы всегда должны быть в оппозиции правительству, президенту. Правильно? Абсолютно правильно. Но может ли наш председатель палаты быть в оппозиции к парламенту? Это же вздорная мысль сама по себе. И вот ему же удастся это внушать и находить здесь последователей. Вот я хотел бы понять, вот как, вот какие рассуждения вот такие ведут к тому, что поддерживать эту абсурдную мысль? В парламенте руководитель парламента находится в оппозиции к законопроектам, принимаемым парламентом. Это разве оппозиция? Это саботаж называется. Это вредительство называется.

Рябов Н.Т.: Руслан Имранович, я прошу извинить, два слова буквально. Я хотел бы спросить у палаты. Посоветуемся, Вам много времени еще надо?

Хасбулатов Р.И.: Нет, пять минут. Да не волнуйтесь, так уж разволновались.

Рябов Н.Т.: Я не разволновался, Руслан Имранович. Вы поймите правильно, у нас очень напряженный план работы.

Хасбулатов Р.И.: Да, у вас напряженный, можно подумать, что у меня менее напряженный. Если я говорю, наверное, мне надо сказать вам, как я понимаю этот вопрос и, может быть, это будет полезным. Вы уж месяцами не работали, а тут теперь пять минут не хотите мне дать.

Так вот, это называется не оппозиция. Надо в категориях разобраться. Это называется прямой саботаж. Но при этом, я вас уверяю и вы сами видели, я никогда не давал ни внешнего ни внутреннего повода для того, чтобы вот как-то я вот оцениваю таким образом. Я считал, что это дело палаты и не дело в общем-то верховной власти вмешиваться непосредственно в этот процесс. Вы согласитесь, я был достаточно корректен и вряд ли следует меня в этом упрекать.

Ну, вы избрали председателя Палаты. Теперь я лично думаю, что не надо бросать камня в ушедшего председателя, он член Верховного Совета, надо дать ему возможность работать, нормально работать надо ему дать возможность. Я думаю, он все-таки человек разумный, хотя не такой уж и большой ученый и специалист, как думает сам о себе. К сожалению, это выявилось за эти полтора года. Но я бы хотел, чтобы не было вот таких каких-то выходов, каких-то оскорбительных, может быть, терминологий в его адрес. А я действительно поздравляю вас с хорошим председателем палаты.

(Стенограмма заседания Совета Республики Верховного Совета РСФСР, 2 октября 1991 г.)